

16+

ФИЛЬМ И КНИГА ПОСВЯЩЕНЫ ПАМЯТИ ЕЛИЗАВЕТЫ ГЛИНКИ

ДОКТОР ЛИЗА ГЛИНКА

«Я всегда на стороне слабого»

ДНЕВНИКИ, БЕСЕДЫ

18+

Елизавета Петровна Глинка Сергей Алещенок «Я всегда на стороне слабого». Дневники, беседы

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27304456

«Я всегда на стороне слабого». Дневники, беседы: Издательство АСТ:

Редакция Елены Шубиной; М.; 2020

ISBN 978-5-17-134374-3

Аннотация

Елизавета Глинка (1962–2016), известная как Доктор Лиза, – врач-реаниматолог, специалист по паллиативной медицине. Основала первый хоспис в Киеве, курировала хосписную работу в городах России, в Сербии и Армении; создала международную общественную организацию «Справедливая помощь»; лечила, кормила и обеспечивала бездомных; организовывала эвакуацию больных и раненых детей из Донбасса. Трагически погибла в авиакатастрофе над Черным морем 25 декабря 2016 г., сопровождая партию лекарств и оборудования для госпиталя в Сирии.

В основу книги легли дневники Доктора Лизы; вторую часть составляют беседы с Елизаветой Глинкой, в которых она много говорит о «Справедливой помощи», своих подопечных и – совсем

немного – о себе. В книгу также вошли мемуарный очерк Глеба Глинки и предисловие Екатерины Гордеевой.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Катерина Гордеева. Обернись, пожалуйста	8
Дневник доктора Лизы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	84

**Елизавета
Петровна Глинка
«Я всегда на стороне
слабого». Дневники, беседы**

© Глинка Е.П., наследник, 2017.

© ООО «Киностудия КИТ», 2020.

© ООО «Издательство АСТ», 2020.

**РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ**

Елизавета Петровна Глинка (20.02.1962–25.12.2016), которую многие знали как Доктора Лизу, родилась в Москве в семье военного инженера Петра Константиновича и врача Галины Ивановны Поскрёбышевых. Училась в школе № 74 на улице Пырьева. Окончила 2-й Московский государственный медицинский институт им. Н.И. Пирогова по специальности врач-реаниматолог. Позднее, когда вышла замуж за американского гражданина русского происхождения Глеба Глебовича Глинку и переехала в США, штат Вермонт, прошла обучение по специальности паллиативная медицина в Дартмутской медицинской школе. В 2001 году жила с мужем в Киеве, где основала первый на Украине хоспис и выездную патронажную службу при городской онкологической больнице. В 2007 году, вернувшись в Москву, чтобы ухаживать за матерью, перенесшей инсульт, создала международную общественную организацию «Справедливая помощь», которая обеспечивает неизлечимо больных, бездомных и малоимущих лекарствами, питанием, медицинской и материальной помощью. Курировала работу по организации хосписов в Сербии, Армении, а также в нескольких городах РФ. После начала вооруженного конфликта на юго-востоке Украины в 2014 году занималась оказанием гуманитарной и медицинской помощи населению самопровозглашенных До-

нецкой и Луганской народных республик, организовывала эвакуацию больных и раненых детей для лечения в России. Елизавета Глинка была учредителем и президентом американского фонда *VALE Hospice International*, членом правления российского фонда помощи хосписам «Вера», Американской академии хосписной и паллиативной медицины, попечительского совета Фонда содействия реабилитации людей с проблемами слуха «Страна глухих», входила в состав Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека и в число учредителей общественного объединения «Лига избирателей», выступающего за проведение честных выборов. За свою благотворительную деятельность отмечена Государственной премией Российской Федерации, Орденом Дружбы, знаком отличия «За благодеяние», Орденом Андрея Первозванного, Орденом святителя Луки Крымского, медалью «Спешите делать добро» и другими наградами.

Родила двух сыновей и усыновила ребенка одной из своих подопечных, которая умерла от рака.

Елизавета Петровна Глинка погибла в авиакатастрофе над Черным морем 25 декабря 2016 года, сопровождая партию лекарств и оборудования для университетского госпиталя Тишрин в сирийской Латакии. Похоронена в Москве на семейном участке на Новодевичьем кладбище.

Катерина Гордеева.

Обернись, пожалуйста

Вместо предисловия

Мне часто кажется, я вижу Лизу в каком-то из аэропортов, откуда лечу, куда прилетаю: мелкая коротко стриженная блондинка несется вприпрыжку, прижав плечом телефонную трубку, челка закрывает половину лица. Я открываю рот, чтобы крикнуть: «Лиза!», незнакомка оборачивается – это не она.

Тот факт, что Лизу нельзя окликнуть, позвонить ей или написать – ошеломляет меня каждый раз с прежней силой.

Есть люди, чье присутствие в твоей жизни настолько непреложно, что сама жизнь, кажется, строится на этом знании.

Наличие где-то поблизости живой и деятельной Елизаветы Глинки снимало с тысяч людей вокруг нее обязанность ежеминутно печься о судьбах обездоленных, несчастных, покалеченных войной и судьбой. О них заботилась Лиза.

Иногда осознанно, иногда – совсем не отдавая себе отчета, Лиза шла на опережение боли: оказываясь на месте войны и стихии едва ли не раньше самих войны и стихии. И уж точно раньше всех остальных, умеющих получать от человеческой боли и страданий дивиденды, выгоду, почет, в конце

концов.

Я никогда до конца не понимала, чем руководствуется Лиза, несущаяся сломя голову в самое стремное из всех возможных пекло: равнодушная до неразборчивости к политике, она небрежно отмахивалась от правых и левых, красных и белых, указывавших ей, кому помогать, чтобы не испортить репутацию. Я не думаю, что Глинке было плевать на репутацию, скорее репутация для нее была чем-то большим, чем рукопожатность в какой-нибудь (любой!) из московских тусовок.

Одна моя старшая подруга рассказала мне историю о том, как пришла однажды навестить своего умирающего друга: его по очереди навещали близкие люди, той ночью была очередь моей подруги. Неожиданно у постели умирающего она обнаружила незнакомую ей маленькую блондинку. Блондинка держала умирающего за руку, о чем-то говорила тоном, каким обычно разговаривают давно и хорошо знакомые друг с другом люди. «Позвольте, вы кто?» – спросила моя изумленная подруга блондинку. «Я – Лиза. Вот, зашла навестить человека», – невозмутимо ответила блондинка.

Подруга рассердилась, строго сообщила, что этот человек не какой-нибудь брошенный и одинокий, что есть график дежурств друзей у его постели, словом, выгнала Лизу из палаты и сама заняла ее место.

Поздней ночью, проходя по больничному коридору, моя подруга увидела, как на больничной каталке рядом с зарос-

шим щетиной и пропахшим вокзалами и подворотнями бездомным, кутаясь в его несвежие тряпки, лежит Лиза. Гладит его по голове и щекам, что-то шепчет. Остановившись, моя подруга наблюдала за этим. Заметив ее, Лиза прошептала: «Тише, идите, не мешайте, он умирает, дайте ему умереть счастливо».

Через несколько месяцев, увидев по телевизору Елизавету Глинку на каком-то официальном приеме, моя подруга, разумеется, узнала в ней больничную Лизу. Долго не могла ни прийти в себя, ни объяснить самой себе, что ночью в отделении с незнакомыми умирающими делала красивая состоявшаяся женщина, у которой, кажется, в жизни было все: любящий муж, любимые дети, карьера, деньги – все, о чем только может мечтать человек.

«Моим первым предположением было, что она – святая, – рассказывала мне потом моя старшая подруга. – Но она была абсолютно живым человеком, очень красивой женщиной. И она не вела себя как святая, тогда в палате мы с ней, в общем-то, хорошенько поругались. Словом, ни к какому заключению я не пришла. Просто всегда, когда произносили “Доктор Лиза”, я держала в голове обе эти сцены: ночную больничную и телевизионную, официальную».

Ей было важно держать их в своей памяти рядом, не разделяя, потому что иначе образ Лизы был бы не полным.

Разумеется, Лиза не была святой. Ее не сделали святой ни мгновенная смерть, ни тысячи слов, сказанных у ее гроба,

ни сотни написанных эпитафий, ни снятое про ее жизнь художественное кино – ничего.

Точно так же она не была ни «исчадием», ни «коллорационисткой», ни «приспешницей», ни «орудием», ни чем-то любимым другим ужасным, чем клеймили ее при жизни и продолжили после смерти сотни недоброжелателей; как ни странно, они у Лизы были в избытке.

Елизавета Петровна Глинка была обычным живым человеком: пьющим, умеющим выразить мысль забористым матом, любящим поржать, посплетничать, покутить.

Но при этом было в ней что-то, что отличало ее от всех нас, – тонкокожесть, что ли? Повышенная чувствительность к чужому несчастью и непреодолимое желание его тут же уладить, исправить, искоренить любой ценой. О, о цене Петровна не задумывалась!

Я совершенно точно знаю, что никакого личного ее присутствия на том роковом борту, стоившем ей жизни, не требовалось. Это она сама всегда требовала, чтобы военные, спасатели, добровольцы, кто угодно брали ее с собой туда, где людям максимально плохо. Я знаю, что Лиза могла припеваючи жить в какой угодно точке земного шара – и уж точно вдали от боли, нужды и страданий. Но она выбрала ровно ту жизнь, которой жила. И жила ею за всех уютно устроившихся под пледами на диванах, пьющих чай или вино, узнающих о войнах и бедствиях из новостей, сокрушенно качающих головами современников.

Жизнь Лизы дарила нам роскошь бездействия – она справится, она все решит.

Ее смерть, как мне кажется, сделала обязательным выбор: ты хочешь исправить мир или останешься в стороне.

Масштаб Елизаветы Глинки был таков, что заменить ее в одиночку не смог бы никто из тех, кого я знаю. Но каждый из тех, чью жизнь, как мою, кометой прорезала Лизина, мог бы попробовать внести лепту.

Когда мне кажется, что я вижу Лизу в каком-то из аэропортов, откуда улетаю или куда прилетаю, я хочу успеть ее попросить: «Обернись, ну, обернись, пожалуйста! Постой со мной немного и расскажи, что надо сделать».

Книга, которую вы держите в руках, – это живой голос Лизы; она, именно такая, какой была, вырастает из этих букв, слов, знаков препинания. В этой книге для тех, кто хочет найти, есть прямые ответы Елизаветы Глинки на вопрос о том, что надо сделать, чтобы исправить мир. Не до конца, конечно. Но на заметное немного.

Дневник доктора Лизы

Вот такой случай

Oct. 17th, 2005 at 8:46 PM

Сегодня приняли больного – бомжа. Он жил на рынке. Где, когда заболел – могу только предполагать. Много пил, и неизвестно, как бы закончилась его жизнь, если бы на этот самый рынок не пришел его РОДНОЙ брат, с которым они не виделись почти пятнадцать лет. Здоровый брат узнал его, забрал к себе домой (живет в Святошино – а это район хосписа¹). Отмыл как мог, вырезвил, обследовал в онкоцентре (рак легкого с распадом) и прописал у себя дома.

Положила в хоспис. Была уверена, что бросит, как многих у меня бросают. Взяла на заметку на похороны (слава Богу, место есть).

Брат приходит каждый день. Сказал, что похоронит сам. Может быть, ничего особенного в этом нет, но меня тронуло такое отношение.

К чему я это? Наверное, мне надо лучше думать о людях. Все получилось. Всем спасибо.

¹ В сентябре 2001 г. по инициативе Елизаветы Глинки в Киеве при городской онкологической больнице на улице Верховинная был открыт первый бесплатный хоспис для неизлечимо больных и организована патронажная служба, обслуживавшая пациентов на дому.

«Раймонда»

Oct. 23rd, 2005 at 3:17 PM

Их у меня в хосписе было трое. Мама Елена и двое детей. Елене – чуть больше сорока. Рак шейки матки.

Детям – двадцать и двадцать три.

Они все время в палате с умирающей мамой. Сын возил ее гулять на коляске и уходил из хосписа поздно ночью. Дочка приходила утром, потом бежала на занятия – и снова в хоспис.

Я уже даже не воспринимаю Елену одну – она слилась со своими детьми, или они с нею. Дети похожи на птичек. Наверное, про таких говорят «инфантильные». Что-то в них было от совсем маленьких детей. Наверное, то, как они разговаривали с мамой, как радовались тому, что ей удалось самостоятельно посидеть несколько минут.

О диагнозе и прогнозе знали. Видно, что не верили или надеялись на чудо. А чуда не было. В данном случае не было.

Отца нет, есть бабушка. Ее я не видела – она лежала в другой больнице. У детей гуманитарное образование: девочка еще учится, а мальчик, мальчик у нас – балерун. Он танцует в театре оперы и балета. Эти дети почему-то вызывали у меня щемящее чувство жалости. Они говорили «спасибо» и здоровались со всеми посетителями, открывали двери всем, кто проходил в хоспис после них. Они всегда со всем

соглашались.

Я знаю, что они нуждаются, но никогда ни о чем не просили. Они привыкли к тому, что на Украине не принято пока помогать тем, кому помочь уже нельзя.

Мы – хосписные – потерпели поражение в борьбе. И с болезнью, и с существованием. С этим стерпелась не только я, но и мои больные. Правда, удалось мне привести к ним в палату очень богатого человека. Он пришел к нам и выразил желание помочь самым-самым... Это трудный выбор. Но привела к ним. Сказала Елене: «Ради детей попроси, он сделает».

На мой вопрос:

– Леночка, что бы господин Н. мог для вас сделать?

Она ответила:

– Мой мальчик танцует в «Раймонде» 28 числа. Обязательно посмотрите... Вам понравится.

P.S. Я вот не могу этого забыть никак.

Надежда

Oct. 26th, 2005 at 1:01 PM

Год назад давала интервью на киевском ТВ. Какой-то новостной канал. Запись была в самом хосписе, больные видели съемочную группу и тем же вечером собирались обязательно посмотреть новости.

Я, зная об этом, на достаточно прямой вопрос молодень-

кого корреспондента: «А правда, что ВСЕ ваши больные умрут?» – ответила, что все мы умрем когда-нибудь, в том числе и больные моего хосписа. Потом представила себе реакцию пациентов, их близких и прибавила, откровенно содрав, что в хосписе всегда будет один больной, который поправится. Ну, не удержалась, бывает.

На следующий день во время обхода – в каждой палате – слышала одну и ту же фразу:

«Елизавета Петровна, мы вас вчера видели, вы же обо мне сказали, правда?.. Я сразу понял(а)».

Действительно, надежда умирает последней.

Темное прошлое

Dec. 7th, 2005 at 2:46 PM

Мой младший сын Алексей Глебович разразился очередным шедевром в школьном сочинении.

«Мой папа² – знаменитый адвокат и вообще великий человек. Моя мама – другая история. Она просто доктор и работает в приюте, который ей помог построить папа в стране Украине. Моя мама родилась очень давно – еще в Советском

² Муж Елизаветы Петровны (в девичестве Поскрёбышевой) – Глеб Глебович Глинка, гражданин США, адвокат, сын поэта, прозаика и литературного критика Глеба Александровича Глинки, потомок Сергея Николаевича Глинки, двоюродного брата композитора Михаила Глинки. В 2005 г. Глеб Глебович и Елизавета Петровна жили в Вермонте вместе с сыновьями Константином, который родился еще в Москве, и Алексеем, родившимся уже в США.

Союзе.

Мы с братом знаем, что, когда она была маленькая, она не имела электричества».

Вот так вот, друзья...

Юра Васильев

Dec. 31st, 2005 at 7:28 AM

Полуторогодовалый малыш из дома ребенка, которого перевезла из Минска в хоспис. Маленький, весил около шести килограммов.

Не говорил, только показывал пальчиком на все, что интересовало. Бутылку держал двумя ручками и, когда заканчивал кушать или пить, обязательно отдавал ее обратно.

На игрушки, которыми мы его буквально засыпали, не реагировал. Ему хотелось, чтобы его просто подержали на руках.

Ушел тихо. Поел, заснул и не проснулся. Просто перестал дышать маленький. Как будто никому не хотел мешать.

Ощущение, что держала на руках ангела.

Андрей

Jan. 4th, 2006 at 6:30 PM

Ухудшился сегодня утром. Резко. Болей нет. Полная апатия. Бедный мальчик.

Он так трогательно пригласил меня на кофе – попросил санитарку купить пакетик для меня за одну гривну, заварил в две чашечки. Рассказал о своей семье, о слепой маме, несчастном, замотанном жизнью папе, потерянном после распада СССР, о спивающемся брате.

Перед моим отъездом сел в коляску и тихонько подкатил к ординаторской. Я вышла – он улыбается.

– Вас проводить пришел (он до сих пор говорит приишел).

Маленький Йося

Jan. 22nd, 2006 at 10:47 AM

Йося (Иосиф) Б. Благодаря этому мальчику я открыла детскую палату. Три полных года назад в ординаторскую пришла женщина и встала на колени.

«Нас выписали из госпиталя в Израиле летом. Мы думали, что все закончилось, но рак вернулся. Положите моего мальчика. Моего Йосю. Нам некуда больше идти».

Иосиф Б., десять лет. Рак яичка, четвертая – последняя – стадия, четвертая клиническая группа³.

У меня не было места для него. Не было детской палаты вообще. Я до сих пор помню глаза и голос этой матери. Как-то оправдывалась перед ней. Она стояла на коленях. Не пла-

³ К IV клинической группе относят больных с доказанными злокачественными опухолями, которые по тем или иным причинам не подлежат специальному противоопухолевому лечению, но подлежат лечению паллиативному.

кала, а повторяла: «Возьмите моего Йосю».

«Я возьму его, как только освободится койка» – это последнее, что я ей сказала. Койка освободилась к утру. Но маленький Йося умер, и переводить было уже некого.

Мы освободили две палаты. Сделали просторную большую детскую, которой будет вот уже три года. Сделали за месяц. И приказы подписались сами собой, и мебель нашлась.

Вот только я все время вспоминаю Иосифа и его маму на коленях. И мне больно оттого, что я не смогла им помочь.

Сегодня я получила перевод из Израиля. «На детей хосписа». Это маленький Йося мне помогает. Мне так кажется.

В ресторане

Jan. 30th, 2006 at 9:14 PM

Вермонт. Вчера после госпиталя пила кофе с другим доктором.

Обсуждали бумаги одного мальчика из России.

Расплачиваюсь и вижу, как в инвалидной коляске в ресторан ввозят давнюю пациентку госпиталя, которая только на моей памяти перенесла два тяжелых инсульта.

Она машет рукой, и хозяин говорит ей:

– Маргарет, вот стол, за которым тебе будет удобно.

Маргарет не говорит, но приветствует всех рукой.

Пока ее усаживали, я все думала, возможно ли это в моем городе. Я живу в самом центре. И представить себе эту

же картину, например, в «Дровах» не могу. Даже не потому, что нет там въезда для инвалидной коляски, не потому, что не одолеть никакую Мясницкую с ее потоком машин. А потому, что инвалиду, даже с сопровождающим, и в голову не придет пойти поужинать в московский ресторан. Даже в самый дешевый.

Не знаю, прочтут ли это бизнесмены, владеющие ресторанами. Вряд ли.

Но как бы убедить их помогать не одноразовыми акциями, которые тоже очень нужны, а оборудовать пандусами входы своих заведений.

Да что говорить... Сейчас Год благотворительности в России.

P.S. Это не дифирамбы за границе. Внешняя политика Штатов мне глубоко отвратительна. Я против платной медицины. Но мне очень хочется, чтобы наши больные не чувствовали себя лишними.

Вечернее материнское

Feb. 6th, 2006 at 8:41 PM

Укладываю спать младшего. Под подушкой нашла написанный от руки плакат. Кривыми такими буквами.

«ХОСПИС ОТНИМАЕТ РОДИТЕЛЕЙ».

К моему отъезду в Москву приготовил.

Он прав.

Про бал

Feb. 12th, 2006 at 6:24 PM

В прошлом году посетила с мужем одно *VIP*-мероприятие.

Не задалось, как говорится, сразу. За два дня до события я написала американскому послу в России о том, что посольство не участвует в благотворительности. Ну, в несколько резкой форме.

Посол встретил нас у бочки с разливным пивом. Глеб (мой муж) представился. По фамилии. Посол сказал, что женщина с именем Элизабет и с такой же фамилией прислала ему письмо, от которого у него испортилось настроение на целый день.

– Да что вы говорите, не может такого быть... – ответил муж.

Может, граждане. Я же не знала, что я его встречу.

Муж сказал, что больше на светские мероприятия меня брать не будет, так как я неуправляема в своих поступках.

Дальше – хуже... После шампанского надо было выйти... ну, вы понимаете куда. На выходе стояла охрана, которая дала мне в руки какую-то бумажку с печатью. Добежав (а бежать долго), бумажку выбросила, да-да... в унитаз.

На обратном пути спросили, откуда я. Ответила. Говорят:

– Бумажку верните, женщина.

– Какую?

– Которую вам дали.

И нечего смеяться!

В общем, охрана привела мужа, который меня вернул на место за столиком.

Не светская я совсем.

Кармен

Feb. 13th, 2006 at 12:24 PM

В Киеве летом посещала бомжа на предмет госпитализации. Называл себя Пилипенко, хотя фамилию менял три раза в неделю. Человек был пьющий, драчливый и очень вздорный. Требовал соблюдения «стабильности в мире» и два литра бормотухи в день, по его словам, «для поддержания нормального уровня жизни».

Была при нем подруга с кличкой Кармен. А может, и имя такое, не знаю. (Была же у меня больная из Львова, которую звали Травиата. По паспорту.)

Пили они вместе, и она ухаживала за ним, как могла. Так вот, Кармен в один из дней попала с белой горячкой в психиатрическую больницу. Пилипенко остался совсем один.

На вопрос: «А где ваша... (вот тут я замялась, так как определить статус Кармен для меня было затруднительно)... сожительница? – Пилипенко гордо ответил:

«Не сожительница, а женщина, разделившая со мной нелегкий земной путь...»

Религию – в массы

Feb. 19th, 2006 at 6:56 PM

В прошлом декабре я провела день с бомжами (не говорите моему мужу, пожалуйста, всех подробностей). С 8 до 20.

Не в приюте⁴, а в дневном месте пребывания, где они могут помыться, поесть и постирать свою одежду.

Сама организация такого дневного пристанища проведена очень профессионально. Санобработка, врач и медсестры, столовая. Бомжей много. В тот день их было около двухсот человек. Место в Киеве известное. На территории бывшего советского завода.

«Служат» там люди верующие. Не православные.

Их религиозных взглядов не разделяю, но должна признать, что для бездомных и нищих они делают святое дело. Нам бы так, православным.

Контингент разный. Убогие, несчастные, алкоголики, освободившиеся из тюрем, одинокие матери с маленькими детьми.

К концу дня, перед самым уходом, я, смешавшись с толпой этих бедолаг, зашла в их молеальный дом. Удивило количество народа, который туда буквально ломился. В молеальню два входа – через переднюю и заднюю двери. Основная

⁴ Имеется в виду благотворительный центр для бездомных «Стефания», открывшийся в 1998 г. в Киеве на территории завода «Вулкан».

масса шла в дальнюю дверь, а к той, что расположена ближе, пропускала импровизированная охрана из бывших бездомных, «прошедших курс реабилитации» (с).

По неистребимой советской привычке (да, я – совок) я рванула в дверь, расположенную ближе. За мной вплотную встал старик, с татуировками, в драной ушанке с одним оторванным ухом. Под глазом у него светился свежий фингал, а бровь была заклеена пластырем, на котором нарисованы цветочки.

– Тетка, давай быстрее, – прохрипел он, протолкнув меня внутрь зала, где посередине стоял магнитофон.

Само помещение было уставлено стульями рядов в двадцать. На них расположились несчастные бомжи и бомжихи. Кто-то дрался, кто-то спал, кто-то сидел понутив голову. Зрелище угнетающее, прямо скажу.

Зайдя, я увидела, что деда с фингалом оттеснила охрана. Почувствовав несправедливость в отношении к товарищу по входу, я пошла на разборку. Как в атаку.

– Иди сюда, – кричу, – я тебе место нашла.

– Тетка, – схватил он меня за руку, – блин, сволочи. Да скажи ты им (охране)! Я третий раз за сегодня херню эту слушаю, да пустите же меня, я жрать хочу со вчерашнего дня.

– Братан, – говорю, – кто на тебя наезжает? Сейчас тебя покормят, ты чего сюда-то зашел? Столовая вон там, через дорогу. А тут они молятся, наверное.

– Ты чё, мать, правил не знаешь? До еды нас библию за-

ставляют слушать, без этого хер получишь.

– А почему третий раз?

– Да заводят, б...ь, с задней двери, б...ь, и сажают, б...ь, сзади. А те, кто прослушал один раз, б...ь, пересаживаются в первые ряды, суки гнилые, и потом в столовку за хавкой. А я, б...ь, хромой и не успеваю, б...ь. Вот и слушаю третий раз. За...и меня. П...ц полный. Ох. л уже. Я свою пайку сёдни тут отработал. Суки. Все суки.

P.S. Его пустили на первый ряд. Через полчаса он поел. А давали им в этот вечер две сосиски, рисовую кашу, двести граммов хлеба серого и сладкий чай.

Навеяно 8 марта

March 8th, 2006 at 7:43 AM

В прошлом году накануне праздника смотрела одного больного на дому. Деликатный такой мужчина, осыпал кучей комплиментов, несколько кокетничая (если это слово употребимо к мужчинам) во время осмотра. Посмотрела, послушала, сверху вниз, как и положено. В конце осмотра надела перчатку – ну и да... ректально тоже посмотрела, как пишут, на уровне пальца. Выбросила перчатку, вымыла руки, вернулась к пациенту.

Отвернувшись к стене, глухо произнес:

«Я не буду у вас лечиться. Я думал, вы возвышенная, а вы... вы... Пальцем в жопу. Лучше к экстрасенсам пойду».

За что нам говорят спасибо?

March 10th, 2006 at 4:56 PM

Не понимаю. Ведь обыденные вещи делаем. Покормить, вымыть, посидеть. Не лечу ведь – утешаю в основном и обезболиваю. Почему больные и их родственники благодарят так, как будто мы спасаем их?

Не оттого ли, что естественное желание помочь вытравлено из сознания людей? Оттого, что общество выбрасывает обреченных на обочину, как ненужный груз?

Почему родственники больных не требуют того, что им полагается по закону бесплатно, и немеют и трясутся при виде белого халата?

А старушка из Нежина, чей сын лежал в хосписе, поглядев на объявление около моей ординаторской, в котором написано: «УБЕДИТЕЛЬНАЯ просьба не приносить персоналу тортов, конфет и денег», долго топталась у моей двери и сказала:

– Доча, я тебе ни тортов, ни конфет не принесла, как ты и написала. Вот тебе сало, яйца и молоко утреннее.

P.S. Конечно, я взяла ее молоко, и яйца, и сало. Она от всего сердца. Это я понимаю. Но я о другом... О том, что очень хочется, чтобы больные и близкие их были свободны.

Опять из прошлого

March 12th, 2006 at 12:07 PM

Когда открывала в Киеве отделение, то средний медицинский персонал набирали из окрестных сел. Работа тяжелая, санитарки (я их гордо именую младшими медицинскими сестрами) в полном составе приезжают из деревни на работу.

Одна из них – ветеран по хосписным меркам – Оля Коломиец.

Я обучала их, как говорить с больными. У меня бзик – называть больных по имени-отчеству. И таблички на палатах, соответственно, с полными именами пациентов.

Так вот, объясняю им – больных уважаем. Не говорим – дедушка, бабушка и поссать.

Через день.

– Иван Петрович, помочитесь сюда (Оля протягивает больному утку).

– Шо?

– Иван Петрович, пописать надо вот сюда.

– Шо?

– Диду, ссы, а то нас Петривна уволит на хер.

На вкус и цвет...

March 15th, 2006 at 7:31 AM

Больной у нас лежит. Забрали из квартиры на Борщагов-

ке⁵. Юра. Сорок лет.

У него рак верхней челюсти с распадом. Опухоль большая, распространилась на правый глаз. Родственники говорят, что он не алкоголик. Это вся информация, которую о нем удалось собрать. Не много, правда?

Дома – разруха и немыслимая грязь.

В хосписе отказывался мыться, порвал постельное белье, оплевал девчонок-санитарок, прятался от них в шкафу. Бузил всю ночь.

Решили загрузить его медикаментозно.

Сейчас звонила в Киев узнать, как дела у него.

И что думаете? Дословно цитирую ответ доктора:

«Теперь родственники недовольны, что он все время спит».

Политическое

March 25th, 2006 at 6:33 PM

Завтра парламентские выборы на Украине.

Электорат в хосписе специфический, однако, безусловно, отражает настроение всего общества. Особенно ярко проявляют политическую активность бомжи.

На месте депутатов я бы распространяла предвыборную агитацию только среди них. Вот уж кто подкован политически! И пиарщики они профессиональные. Активны, разго-

⁵ Борщаговка – район на западной окраине Киева.

ворчивы, обладают массой свободного времени.

Они читают все предвыборные выступления, коротая время на вокзалах и в ночлежках. Их не интересуют личная жизнь кандидатов и скандалы вокруг них, они сосредоточены исключительно на том, что данный выдвиженец может сделать для таких как они. Газеты, которые они кладут в свои ботинки для тепла и на которых спят, – зачитаны до дыр и часто вслух среди таких же бездомных.

Мою абсолютную политическую безграмотность они ликвидировали в рекордные сроки. Помнят всё – от даты и места рождения кандидатов до места их настоящей работы. Преданность фанатичная.

Некоторые вместе с иконами хранили фотографии депутатов, включивших в свои программы помощь малоимущим и обещавших решить проблемы с жильем.

Санёк – из первых моих бомжей – характеризовал одного депутата емко и точно «х..., конечно, но народ любит». Санёк отсидел пятнадцать лет за убийство и смешил меня характеристиками вроде: «Иваненко⁶ – наш человек».

Благодаря ему я знала всех, кто баллотировался на выборах.

Что поражает – бомжи не разочаровываются. Из десятка наиболее активных все до единого оправдывали своих из-

⁶ Иваненко Владимир Григорьевич, многократный чемпион и рекордсмен Европы и мира по пауэрлифтингу (поднятию тяжестей), с ноября 2007 г. – народный депутат Верховной Рады Украины VI созыва от блока Юлии Тимошенко.

бранников тем, что депутатам некогда встретиться с ними, и свято верили, что, если бы не «заседания и лекции», те обязательно посещали бы своих больных избирателей в нашем хосписе.

Люда, жившая на вокзале, сама пыталась встретиться с одним депутатом, чтобы сказать ему спасибо. Избранник обещал, что таких, как Люда, спасет только он. Люда умерла от кровотечения, и было ей тридцать пять лет.

У двоих после смерти нашли письма, адресованные депутатам. Аккуратно написанные под диктовку медсестрой и так и неотправленные.

Несколько раз бывало, что в хоспис приносили ответ на письма. А тех, кто написал, уже не было.

Карасики

March 28th, 2006 at 3:17 PM

Самуил Аркадьевич Карасик и Фира (Эсфирь) Карасик. Одесситы, Бог знает как оказавшиеся к старости в Киеве. В хоспис он привез ее на коляске, тщательно осмотрел все комнаты и выбрал ту, что светлее, но гораздо меньше других палат.

– Фира любит солнце. Вы знаете, какое было солнце в Одессе? – Карасик задирает голову и смотрел на меня, щуря хитрые глаза. – Нет, вы не знаете, доктор. Потому что тут нет такого солнца, в вашем Киеве.

– Шмульт, не забивай баки доктору, – вступала Фира, – она нас таки не возьмет сюда.

После этого следовала перебранка двух стариков, и вставить слово было практически невозможно.

Оглядевшись, Карасик объявил, что завтра они переезжают.

– В смысле – госпитализируетесь? – поправила я.

– Пе-ре-ез-жа-ем, доктор. Карасики теперь будут жить здесь, у вас.

Наутро перед глазами санитарки стоял Карасик в шляпе и галстукe и Фира в инвалидной коляске, державшая на коленях канарейку в маленькой клетке.

– Это наша девочка, она не будет мешать.

Санитар из приемного молча нес связку книг, коробку из-под обуви чешской фирмы «Цебо», на которой было написано от руки «ФОТО», рулон туалетной бумаги и аккордеон.

– Мы насовсем. Вот и привезли все, чтобы не ездить по сто раз.

– Послушайте, Карасик, насовсем не получится.

– А! Доктор, я не маленький мальчик. Отстаньте.

Так и переселились. Фира не выходила из палаты, по вечерам мы слышали, как они подолгу разговаривали, смеялись или ругались между собой.

Карасик, в отличие от жены, выходил в город и рвал на клумбах больницы цветы, которые потом дарил своей Фире, заливая ей про то, как купил их на рынке. Но цветы, понят-

ное дело, были не такие, как в Одессе.

Общаясь с ними, я поняла, что Одесса – это такой недо-стижимый рай, в котором все лучше, чем где-нибудь на земле. Селедка, баклажанная икра, погода, цветы, женщины. И даже евреи. Евреи в Одессе – настоящие. Про Киев Карасик смолчал.

Один раз они спросили меня: «А вы еврейка, доктор?» Получив отрицательный ответ, хором сказали: «Ах, как жалко, а ведь неплохая женщина».

Потихоньку от меня Карасик бегал по консультантам, убеждая взять Фиру на химиотерапию, плакал и скандалил там. А потом мне звонили и просили забрать Карасика обратно, так как он не давал спокойно работать.

Карасик возвращался, прятал глаза и говорил, что попал в другое отделение, перепутав этажи. Он регулярно путал второй этаж с седьмым, поскольку не верил, что Фира умирает. И очень хотел ее спасти, принося разным врачам заключение от последнего осмотра.

Вечером Фира играла на аккордеоне, а Карасик пел что-то на идиш.

А потом Фира умерла. Карасик забрал свои немногочисленные вещи. Канарейка живет у меня в хосписе. А его я встречаю иногда, когда езжу в Святошино на вызов.

Матери больных

March 30th, 2006 at 11:04 AM

Я пишу о всех матерях, которые бывают у меня. Возраст их детей – от пятидесяти до младенцев.

В лечении их детей до поступления к нам испытано все. Доступное и недоступное. Операции, химии, облучения, изотопы, антитела – список длинный. Перечень проведенного лечения одновременно характеризует и достижения нашей медицины, и наше бессилие перед смертью.

Маленькая бумажка, подписанная тремя докторами, – направление в хоспис.

Они приходят тихо, держа на руках или за руку своих детей. Смотрят в глаза и спрашивают, были ли в моей практике чудеса. Говорят совсем мало, не едят вообще, спят урывками и ставят свечки в храме хосписа.

Утром моя ординаторская напоминает приемную какого-нибудь депутата – посетители с просьбами помочь, купить, положить, дообследовать или отпустить в отпуск. Только матери хосписных больных никогда и ни о чем для себя не просят.

Это единственные люди, за которых и я не умею просить. Время от времени мне приходится кидать клич о тех, с кем не справляюсь. О помощи матерям – не могу. Я не знаю, какими словами воспользоваться.

Взрослым детям они поют колыбельные, которые пели, когда те были еще маленькими. Когда матери поют, они раскачиваются в такт незатейливой песенке, как будто качают

ребенка на руках.

С маленькими они слиты воедино настолько, что говорят «мы поели, поспали, пописали...».

«Не плачь, мама!» или «не плачьте, мамо!».

Так просят их дети, если видят на глазах слезы. Они вытирают глаза и больше при детях не плачут.

Ни у одной матери я не видела истерики. Наверное, чтобы не закричать, они закрывают рот рукой, когда выслушивают от нас неутешительные прогнозы.

После смерти ребенка у них откуда-то находятся силы на оформление бесконечного количества бумаг и похороны.

Я помню одну мать, чей сын умер, и она хотела заполнить стандартное заявление с просьбой не делать вскрытие. Она написала под диктовку слова «Прошу не вскрывать тело моего сына...» и сказала:

– Доктор, а ведь это уму непостижимо, что я пишу...

Они приносят в хоспис фото своих детей, потом, после сорока дней.

Подписывают сзади – «Елизавете Петровне от мамы Инночки, Коленки, Игоря».

Это они, матери, попросили меня обязательно разбить цветник в память об их детях. Когда будет достроено новое здание. Если оно будет достроено...⁷

⁷ Отдельный хосписный корпус на двадцать пять пациентов при киевской городской онкологической больнице в Святошино открылся в январе 2008 г.

Тритон

Apr. 4th, 2006 at 8:10 AM

Был у меня лет пять назад пациент *В.* Сорок пять лет. Благополучный, самодостаточный, очень богатый. У него была кличка Тритон. Так его звали между собой те, кто с ним работал.

В хоспис его привезли из-за границы. Так уж сложились у него обстоятельства, что из самых близких остались только телохранитель и шофер. Жена с ним рассталась. Бывшие подчиненные с работы привозили документы на подпись, стараясь сохранять оптимизм при посещении. Уходили поспешно, тщательно закрывая за собой дверь в палату.

Телохранитель с шофером выполняли роль сиделок и вечерами, когда *В.* спал, рассказывали медсестрам о бывшей крутости и суперобеспеченности нашего теперь *В.*

Со мной отношения у него поначалу складывались странно. Будучи знатоком брендов и фирм, он оценивал, во что я одета. Вместо «здравствуйте, доктор» он произносил: «Колготки у вас дорогие, я сразу вижу». Или: «Часы у вас правильные». В смысле – марка часов.

Еду он заказывал только из ресторана, спиртные напитки ему приносил все тот же телохранитель из «старых запасов». Он не хотел ни от кого зависеть, считая, и справедливо считая, скажу вам, что он все может сам.

В палате все было его. Телевизор, белье, одежда, пеленки.

Он не хотел ничего казенного. В общем, полное материальное благополучие. Вот только дома, где его ждут под конец жизни, у него не оказалось.

Роскошный «мерседес» стоял на приколе около хосписа, но своему хозяину он больше не требовался.

Он провел у нас пять полных месяцев. Был всем доволен и полностью опроверг расхожее заблуждение моего персонала о том, что «все богатые сволочи».

Веселый, хорошо образованный, очень остроумный был человек. Он не допускал мыслей о смерти. Не спрашивал результатов обследования. Не говорил о будущем. Я с трудом узнала, что он вообще осведомлен о своем диагнозе.

Его раздражало, что в хосписе есть другие пациенты. Он мог потребовать осмотра и анализов в любое время суток и был очень разочарован тем, что одной ночью меня вызвали не к нему, а к буянящему соседу по палате, который ничего в жизни, по его меркам, не достиг. Он не хотел быть равным с другими. Он был уверен, что из хосписа поедет в клинику в Германии.

За пять месяцев мы сильно подружились. И вот наступил момент, когда он не мог встать, и, так как говорить о выздоровлении уже не приходилось, я спросила его, чего он хочет именно сейчас.

Я ожидала услышать просьбу поправиться, съездить в Испанию, заказать редкое лекарство или привезти какого-нибудь консультанта. Цветы, виски, новый телефон, машину,

сменить охрану и так далее. Его просьбы до этого дня не отличались разнообразием. Ну, разве что по брендам и названиям вин.

А он попросил меня принести ему козленка. Маленького козленка с непробившимися рожками. Оказалось, что В. вырос в деревне. Его растила мать, а отец умер очень рано. И единственным светлым воспоминанием для него был маленький козленок, с которым он играл, когда был мальчиком.

Козленка я ему принесла. Он обкакал мою ординаторскую и орал или блеял – не знаю, как правильно сказать.

Зайдя в палату, санитарка сказала В., что «сейчас будет сюрприз». Принесли козленка. Он был совсем маленьким, с не отвалившимся еще пупочком. Его дал напрокат молочник. За пятьдесят гривен. До вечера.

В. не мог встать и козленка положили в кровать.

Он обнял его и заплакал.

Впервые за пять месяцев.

Санёк

Apr. 6th, 2006 at 10:05 AM

В хоспис его привезла железнодорожная милиция. Окровавленный – сопротивлялся при «доставке», с огромной распадающейся опухолью слева на шее. В кармане держал газету со статьей обо мне. Статья эта, собственно, и послужила

причиной конфликта. Открылось кровотечение, кто-то пожаловался в милицию, и гражданина Григорьева, 1958 года рождения, судимого, без определенного места жительства, арестовали. В отделении он развернул газету и потребовал привезти его в хоспис.

«Петривна меня возьмет. Вот тут написано. Разойдитесь, с-с-суки!» Ему не поверили, завязалась драка. Он их убедил. Привезли, минуя приемное, сразу в палату.

Смысл первой фразы, которую он мне сказал, заключался в том, что он убийца. В тональности «не нравится – не бери». Отсидел пятнадцать лет за убийство отчима. После освобождения бомжевал.

В палате он был один, но, будучи человеком общественным, в ней только ночевал, часами просиживая в холле хосписа. Несмотря на то что я разрешаю курить в палате, всегда шел на лестницу, без стука в ординаторскую никогда не входил и за обедом или ужином приходил непосредственно к кухне, хотя еду больным сестры развозят. Ложку носил в кармане, вилок не пользовался.

Говорил на фене, от него я узнала не только сами блатные слова, но и их толкование. Даже органы имеют на блатном языке свое название. К примеру, «макитра» – это голова, а «свекла» – сердце. И то и другое у него болело. Я не спрашивала, как он попал в тюрьму. Он отчего-то решил рассказать сам. Спросила, не хочет ли он исповедаться священнику.

– Поп у тебя, Петривна, хлипкий какой-то. Не внушает.

Ну его в жопу. Да и забздеть может. Я не раскаиваюсь. Сволочь он (отчим) был редкая, беспредельщик. Мать в гроб уложил. Вкуриваешь (понимаешь)?

Он сидел около церкви во время службы. Ставил свечи, когда никого не было рядом. Но от «попа» упрямо отворачивался.

Пришлось понять, а что мне оставалось делать.

– Хата у тебя грамотная, но к Пасхе я от тебя уйду. Свободы хочу.

Санёк был самым политизированным. Я уже писала, что о всех политических течениях на Украине узнала от него. Жить не мог без газет, буквально умолял принести ему все, что можно читать. Читал медленно, очень внимательно, вставляя смешные комментарии, особенно про депутатов Верховной Рады. Януковича величал «честным пацаном», заседания – «гнилыми базарами» и «шоблами». В стороне от российской политики тоже не оставался. Жириновский был у него «бакланом».

Санёк умер ночью, от кровотечения. Все закончилось минут за пять. Он даже не успел испугаться.

В его тумбочке лежали записная книжка и бумажная иконка Николая Чудотворца.

По этой записной книжке нашли и сокамерника, который не опустил после тюрьмы и едва сдерживал слезы, забирая «Сашку» в последний путь. Он оплатил его похороны. Вот только не было места, где закопать его. Я купила землю на

кладбище недалеко от Киева, где сейчас хороним хосписных бомжей и малоимущих, у которых нет своего места. На первой могиле хосписного кладбища стоит крест с надписью: «Александр Григорьев».

Его последним желанием было сфотографироваться «в натуре с тобой, Петровна, и чтобы висела это не на доске “Их разыскивает милиция”, а где-нить еще. Я тебя обниму, Петровна!»

Стасик

Apr. 8th, 2006 at 10:30 AM

Совсем маленьким в 1945 году он подорвался на mine в Киеве. Ему оторвало стопу и пальцы на одной руке. Это все, что мне было известно о нем.

Судя по истории болезни, родственники сдали Стасика в дом инвалидов. Оттуда я его и забрала для обезболивания.

Стасик не мог нормально разговаривать – среди многих отклонений у него было расстройство речи, называемое эхолалией⁸.

То есть на вопрос «Больно?» он отвечал: «Больно».

«Не болит?» – «Не болит». Так и общались.

Новые слова он повторял по несколько раз.

«Ли-за. Лу-блю. Ма-шин-ки. Муль-ти-ки».

⁸ Эхолалия – неконтролируемое автоматическое повторение слов, услышанных в чужой речи.

У него не было среднего настроения. Эмоции выражал или в смехе, или в плаче. И то и другое делал от всей души.

Стасик провел у нас три месяца. Он был обезболен, и так как катастрофически не хватало мест в хосписе, я выписала его обратно в дом инвалидов, оставив на выездной службе.

Я считала его умственно отсталым, из таких, кому все равно, где находиться.

Он громко заплакал, когда санитары из дома инвалидов приехали забирать его.

Пришла в палату, объясняя, что он поедет домой, а мы будем приходить к нему в гости. Стасик уткнулся носом в стену и не ответил ничего. Даже не повторил, как делал раньше.

Когда его увозили, он закрыл лицо руками и не посмотрел на меня.

Журналист

Apr. 12th, 2006 at 12:14 PM

Его привели с приема в поликлинике.

По результатам обследования было вынесено решение о бесперспективности дальнейшего лечения. Метастазы были практически везде. А вот жалоб не было – неясная боль в животе, периодическая тошнота, похудел, но в целом чувствовал себя неплохо.

Красивый сорокалетний мужчина. Работал в одном из киевских изданий. Журналист по образованию, учился в то-

гдашнем Ленинграде. Женился. Переехал в Киев.

Из увлечений – альпинизм, походы, бардовские песни. В последний поход ходил три месяца назад. Он был ошеломлен не столько диагнозом, сколько невозможностью лечения. Выбрал альтернативные пути – какие-то травы, капли и согласился на поддерживающее лечение. В хосписе был, чтобы не оставаться без помощи.

Он сильно мерз и ходил в шапочке и варежках, за что медсестры прозвали его лыжником.

Коллеги-журналисты приходили каждый день, что бывает так редко. Они пили вино, пели под принесенную гитару. Рассказывали о местах, в которых были вместе. Приходили и альпинисты, обсуждая прошлые походы. Бородатые, сильные и громкие.

Приносили ему домашнюю еду и, останавливая меня в коридоре, тихо спрашивали о том, что можно сделать еще.

В. всегда хотел есть. Не потому что был голоден, а потому что верил в то, что, если восстановит прежний вес, у него будет достаточно сил справиться с болезнью.

Мы долго говорили, он вывел несколько своих теорий о излечимости рака. Я согласилась поддерживать его столько, сколько это будет возможно.

Он опять сказал, что нужно есть. А сил есть не было. С ним и с его друзьями мы составили целый список продуктов. Он включил туда икру, борщ, картошку, мясо, пельмени – как в меню из ресторана. Ребята с работы приносили его за-

казы, которые готовили их мамы и жены, он честно пытался съесть все за несколько приемов.

Это продолжалось долго. Почти три недели. Он научился удерживать еду, но сил не прибавлялось, и мерз он все сильнее. Он не был в депрессии, напротив, он полностью сосредоточился на борьбе с болезнью и выглядел озабоченным, но не грустным.

Писал материалы в свое издание. И рисовал. Он рисовал горы, в которых провел много времени. Работу свою не показывал, а прятал. Потом я узнала почему.

За несколько дней до конца он позвал меня на серьезный разговор. Спросил, готова ли я проиграть. (Мы были в одной команде против его рака.)

Ответила, что приму любое его решение.

На следующее утро увидела поднос с нетронутой едой, который стоял около его палаты. Он сдался. И дал мне понять это.

Отказывался есть и пить, прося только обезболивание. Удалось убедить его в том, что смерть от обезвоживания будет мучительной. В конце дня согласился на разбавленное водой вино и шоколад.

Продолжал печатать статьи и рисовать. Немного пил. Через два дня его не стало.

Картину мне принесла его жена. Это были горы. Домбай. Вершина Белалакая. 3 861 метр. Он хотел туда.

На обороте было написано: «С огромной благодарностью

от журналиста».

Картина висит в моей ординаторской.

Не тот подход

Apr. 16th, 2006 at 1:33 PM

Больной с распавшейся опухолью половых органов.

Отчаявшаяся медсестра просит меня объяснить ему, что нужно закрыть «это место» хотя бы повязкой. Иду к нему.

Агрессивно настроенный *К.* после долгих переговоров обложен в рубашку, но штаны или хотя бы пеленку обмотать вокруг себя не дает.

Разговариваю опять, убеждаю, говоря, как мне кажется, разумные вещи.

На мой последний аргумент о том, что в соседней палате женщины, – задохнулся от возмущения и прокричал мне в лицо: «Вы серьезно думаете, что я пойду в женскую палату?»

Ощутила себя идиоткой.

О Наташе

Apr. 17th, 2006 at 11:46 AM

Я писала истории болезни, когда позвонили из поликлиники и попросили принять ребенка четырех лет. Опухоль ствола мозга, кома.

Девочку на «скорой» привезли мама и бабушка. Она была

похожа на спящую фарфоровую куклу.

Локоны черных волос, аккуратно уложенные мамой на подушке, пухлые розовые щеки, длинные ресницы, кружевная рубашечка. Ангел.

Первые два дня мама не общалась ни со мной, ни с другим персоналом. Ни слова. Бабушка выходила из палаты только подогреть еду, которую привозили из дома.

Приезжал вечерами отец – черный от горя, он садился около кровати и долго держал Наташину руку в своей. Просидев так несколько часов, он уходил, не говоря ни слова. Они были как глухонемые, говорили только жестами и глазами.

За следующую неделю мы немного привыкли друг к другу и потихоньку разговорились.

Наташина мама рассказала о благотворительной организации, которая нашла деньги на операцию в Германии. От этой операции ее отговаривали врачи – украинские нейрохирурги, – но в «организации» сказали, что это от зависти и потому, что в Украине таких операций не делают. Девочку отправили на лечение в Мюнхен. Автобусом. Ехали в течение полутора суток.

Немецкий доктор, посмотрев снимки, в операции отказал и сказал, что ничего сделать нельзя. Локализация и размер опухоли были такими, что никакими способами, ни гамма-ножом⁹, ни другими многообещающими методами из-

⁹ Аппарат для проведения высокоточного одномоментного облучения различ-

влечь ее было нельзя. Мать спросила, зачем она приехала. Он не ответил. Благотворители также развели руками – не знали... Прошло два дня.

Наташа ослепла и перестала говорить. Правые ручка и ножка повисли плетью, она все больше и больше спала. Ребенка решено было отправить на родину. От мэрии предложили билет на самолет до Киева. Благотворители так и не появились.

«Когда самолет поднялся и пролетал над большим полем, я хотела одного – чтобы все это кончилось. Мне так хотелось, чтобы этот самолет упал и мы с Наташей умерли вместе. Но мы не упали. Теперь мы здесь».

«Муж – Володя – порубил в доме все иконы. Он больше не верит в Бога. Попросите вашего батюшку не заходить к нам».

Володя тоже стал понемногу разговаривать с нами.

«Объясните мне одно – зачем все это? Почему моя дочь? Почему все вокруг такие гады, а?»

Он даже не говорил – он рычал. Медсестры его боялись.

Рано утром началось преагональное состояние. Вызвали отца с работы.

Он, как всегда, сел около кровати и взял ее ручку в свою.

Когда стал меняться характер дыхания – отец заметался по палате, срывая с себя галстук и раздирая в кровь пальцы. Мать сидела не шевелясь.

Сестры испуганно позвали меня с другим доктором.

Владимир спросил:

– Это всё? – таким голосом, что мне захотелось исчезнуть с лица земли.

Пересилив себя, сказала:

– Пока нет. Но Наташа умирает.

– А мне что надо делать? – прохрипел он. Мать закрыла лицо руками.

Я спросила, не хотят ли они взять Наташу на руки.

Потеpleвшим голосом он спросил:

– А можно?

Усадила их на диван и передала им ребенка.

Они держали ее последние десять минут. Мне казалось бесконечностью слушать ее хрипы. Но чем реже дышала маленькая Наташа, тем спокойнее становился отец.

Это он сообщил: «Все. Она ушла», – когда девочка перестала дышать.

– Разрешите мне поддержать ее еще.

Они долго сидели, держа в руках Наташу. Потом он осторожно переложил ее в кровать, поцеловал.

– Я не купил ей туфельки с камушками. Она очень хотела.

– Вы пойдете в магазин и купите ей сейчас.

– Пойду. Простите меня, ладно.

– Это вы нас простите.

– Доктор, а дальше что?

Я не нашла что ответить.

Страстная пятница

Apr. 20th, 2006 at 2:30 PM

Вот уже третий год с наступлением Страстной пятницы я вспоминаю мальчика Игоря. Ему было тринадцать лет.

Его отец¹⁰ – православный священник в селе Песковка под Киевом.

Узнав о болезни сына, а мальчик заболел, когда ему было два года, отец дал обет. Он оставил светскую работу и посвятил себя служению в церкви. Закончил духовную академию и был рукоположен. Приход ему достался маленький и заброшенный. Своими руками восстанавливал храм, библиотеку и трапезную.

Жила семья недалеко от хосписа в служебной однокомнатной квартире, которую получила от ЖЭКа, где отец Георгий работал дворником. За двадцать долларов в месяц и жилье.

Мальчик был измученным болезнью, слабеньким, но очень мужественным. Он редко плакал, мало просил и единственным его капризом было «попить с Петривной чаю». Он приглашал меня в палату, мы договаривались о времени и с отцом Георгием и матушкой Таней пили чай, обсуждая пого-

¹⁰ Протоиерей Георгий Пустовит – настоятель храма в честь апостола евангелиста Иоанна Богослова в поселке Песковка (Украинская православная церковь Московского патриархата). Познакомился с Елизаветой Петровной в 2004 г. и с тех пор окормляет пациентов киевского хосписа.

ду, цветы и церковные дела в Песковке. Игорь говорил только по-украински и учил меня языку.

В Чистый четверг, он объяснял мне, надо обязательно хорошо умыться с раннего утра, непременно холодной водой – нужно найти самую холодную воду в хосписе. Мы объехали на его коляске все раковины и нашли «самую холодную» в ординаторской. В пять утра, как рассказали сестры, он плескался в раковине. Отец вместе с другим священником причастил его и украсил палаты вербой. Семья готовилась к Пасхе.

Отец Георгий тратил по три часа в электричках, добираясь до храма. Вставал в четыре утра, ехал на службу, исповедовал, причащал, наставлял, а вечером возвращался в хоспис, где доживал последние дни его сын.

Так случилось и в Страстную пятницу.

С Игорем осталась мать. Мы вместе сидели у постели Игоря, когда началась агония. Я взяла ее за руки, и мы держались друг за друга некоторое время после того, как он перестал дышать.

Таня не плакала, мы долго сидели обнявшись и молчали.

Потом я битый час набирала номер отца Георгия. Наконец трубку взяла какая-то женщина и сказала, что он выносит Плащаницу и подойти не может.

После службы кто-то привез его на машине попрощаться с сыном.

Хоронили Игоря в воскресенье под «ХРИСТОС ВОС-

КРЕСЕ».

Отец Георгий продолжает служить в том же храме в Песковке.

Он приезжает в хоспис — днем и ночью, — когда есть нужда в нем, и причащает умирающих детей, утешает родителей и исповедует самых сложных больных, которые не идут на контакт практически ни с кем. Он же их и отпевает, так как проведя с ним время, родственники больных не хотят других священников. Он никогда не берет заобычные деньги, ни подарков. Несмотря на то что у меня есть земля в Киеве для похорон бомжей, он готов хоронить их на своем церковном кладбище.

И ни один из тех, кого он окормлял в хосписных палатах, не знает, что у отца Георгия здесь же три года назад умер маленький сын.

Жизнь продолжается

Apr. 25th, 2006 at 8:12 AM

Есть вещи, которые невозможно объяснить. В силу обстоятельств я на стороне больных и стараюсь разделить их переживания. Так или иначе, общаясь с ними, мне трудно оставаться беспристрастным наблюдателем, не делить мир на хороших и плохих.

Ольге было двадцать пять. Двое детей. Мальчик и девочка — погодки, четыре и пять лет. Муж старше ее лет на десять.

Не работала. Рано выйдя замуж, занималась детьми и домом.

Меланомы, больна три года, процесс остановить не смогла. Привезли из дома – маленькая квартира, муж не хотел, чтобы дети видели, как умирает их мать.

Худенькая, с большими синими глазами. Метастазы в позвоночник, боли. Она все время ждала детей. К их приходу подкрашивала губы и переодевалась в привезенную из дома одежду. Для них она складывала фрукты, которые оставляла после хосписного полдника. Под подушкой держала зеркало и обязательно смотрелась в него, когда слышала шаги около своей палаты.

Их приводил муж, почти каждый день. В первые визиты дети жались к кровати, дарили маме свои рисунки. Тихонько приходили и уходили, держась за руку отца.

За неделю освоились – стали играть с рыбками и канарейками в коридоре хосписа, любили заглядывать в другие палаты и часто спрашивали, что у нас будет на ужин. Санитарки плакали и кормили их тем, что принесли для себя на суточное дежурство. Они же переплетали девочке лохматые косички, которые отец не научился заплетать.

Потом стали приходить реже. Ольга плакала и молчала. Муж звонил не часто.

Недели через две он привел детей снова. У девочки были красивые бантики, мальчик – в свежевыглаженной рубашечке. Есть они больше не хотели. И картинок с собой не принесли. Постояли у Ольгиной кровати и сказали, что сегодня

идут в зоопарк.

Проводив их до лифта, я вернулась в отделение. Санитарка смотрела в окно.

– Поглядите, доктор!

Я подошла и увидела у ворот больницы молодую женщину.

Выйдя из дверей, дети бросились к ней, каждый взял ее за руку. Припрыгивая, они пошли дальше.

Мы помолчали.

А потом пошли в палату, где громко плакала Ольга.

Опоздал...

May 2nd, 2006 at 9:08 AM

На таких, как Раиса, держится мир.

Она долго не хотела ложиться в хоспис, потому что внуку нужно было идти в школу. И хотя до начала учебы оставалось еще почти полгода, она объясняла, что подготовительные курсы – это важно, и занятия в танцевальной школе, и в художественной – все это пригодится в будущем. Наверное, она чувствовала, что не доживет до первого сентября, и старалась успеть дать мальчику как можно больше.

Я спросила, где мать ребенка.

– В Москву подалась. Бестолковая... А я что? Я – бабушка.

– Давно уехала?

– А как родила. Из роддома принесла и усвистала. Жалко мне ее.

Шесть лет назад невестка оставила новорожденного мальчика и уехала на заработки. Раз в год, на день рождения мальчика – Гришки, – присылала открытки.

Квартира была очень чистой и очень бедной. Ничего лишнего.

Осматривая Раису, я поразилась тому, что спит она в кухне на старом продавленном диване. В бывшую ее спальню переселили Гришку, которому оборудовали маленькую парту и повесили книжные полки. Он называл ее мамой. О своей родной матери за полной ненадобностью и не спрашивал. Отец Гришки, Раисин сын, работал плотником на каком-то заводе, и я его видела один только раз.

Гришка же с интересом смотрел, когда мы приходили к Раисе, и спрашивал, отчего это у бабушки-мамы в животе дырки с мешочками.

У нее были сильные боли, но догадаться о них можно было лишь по побелевшему лицу и стиснутым губам. Ни звука, ни стона. Только жалобы на усталость.

Потом стало невмоготу, Раиса ослабла, и мы перевели ее из дома в отделение.

Там же я познакомилась с ее мужем – Николаем. Он с Гришкой приходил каждый вечер. Гриша был таким же, как Раиса. Тихим и очень послушным. Не кричал и не бегал, если выходил из палаты, то прижимаясь к Раисе.

А муж Николай все время молчал. За месяц он один раз спросил меня: «Ну как она?»

Я просто посмотрела на него, потому что ответить было, в общем-то, нечего.

А она менялась – и так будучи очень замкнутой, стала односложно отвечать на вопросы. Просила позаботиться о Гришке, когда ее не будет. И такая тоска стояла в ее глазах, передать вам не могу словами.

Вскоре Раиса не могла уже подняться от слабости. Но упрямо отказывалась от помощи по уходу за собой, делая все свои нехитрые дела медленно, с передышками, но самостоятельно.

А Николай однажды пришел один, без Гришки. С большим букетом цветов.

В палате он пробыл недолго и, выйдя из нее, выглядел очень подавленным. Спросила, что случилось.

– Да вот, цветы принес. А она не говорит со мной.

Зашла к Раисе, села на кровать.

– Раиса, он вас любит. Смотрите, какие красивые цветы. Давайте их поставим в вазу.

Она приподняла голову от подушки, посмотрела мне прямо в глаза и, помолчав, ответила:

– А почему он меня не любил раньше? Поздно теперь, Елизавета Петровна...

Гуманитарная помощь

May 3rd, 2006 at 11:15 AM

Тетка с крашенными пергидролем волосами ворвалась ко мне в кабинет, распространяя шлейф духов *Guerlain* – видимо, из серии восточных ароматов.

Впечатление, что в парфюмерной лавке разбили флакон да так и оставили.

– Это хоспис? – с ударением на «и» спросила она, не здоровавшись.

– Да. Вам можно помочь?

– Я сама кому угодно помогу. У меня будущая родственница умирает.

Разобрались, что к чему. Крашеная блондинка – товаровед местного крупного универмага, выдает замуж дочку. Мама жениха заболела совсем некстати. Заказан стол в ресторане, приглашены родственники. А «будущая родственница», пройдя курс облучения, так и не поднялась на ноги. И вот – к свадьбе все готово, а тут такое. Лежит, плачет, есть отказывается. Причин держать ее в больнице не нашли, готовят к выписке. Но посоветовали обратиться в хоспис.

По документам – да, наша больная. В перспективе. Клиническая группа четвертая, болей нет, ходить не может.

Пошли смотреть. Обычная женщина, скромная, стыдящаяся своего состояния, извинялась за причиняемые ею неудобства. Учительница русского языка и литературы. Рада за сына, говорила, что хоть в коляске, но на свадьбе будет

обязательно.

Когда больная услышала о возможном переводе к нам, стала отказываться:

«Я очень хочу домой, отпустите меня, прошу вас».

Не хочет – значит, не хочет. Сообщила товароведу.

– Что значит не хочет? А МЫ кто? А свадьба? Это ж не поминки. Поймите, доктор, у меня единственная дочь. И зятя я везде в жизни устрою. Они ж нищие.

– Я не могу госпитализировать ее без согласия.

– А вашего мнения никто не спрашивает. У меня будет разрешение САМОГО (указала имя чиновника, который будет настаивать на госпитализации).

– Это ваши проблемы, но мы не можем положить насильно человека.

– Она уже не человек. Какое счастье, что у молодых есть Я! – при этом она томно вздыхала, и запах духов казался совсем невыносимым.

На том и расстались. Нечего и говорить, что женщину на следующий день перевели к нам. Она так же просилась домой. Она повторяла это каждый час.

Товаровед пришла к нам, узнать, как долго мы «можем держать» пациентку.

Я пыталась уговорить ее все-таки перевести больную домой, нанять сиделку. Бесполезно. Она кричала, что не позволит испортить медовый месяц дочери. Сообщила, что оплатила поездку на Кипр и после бракосочетания молодые от-

будут туда. Клеймила нас позором, обвиняя в том, что «хоспис – это сфера обслуживания и ничего больше, я в магазине продаю товар всем, а не тем, кому выберу».

Пройдя по хоспису, несколько присмирела. Так как денег за лечение мы не берем, сокрушалась о том, что нет частных приютов в Киеве.

За день до свадьбы товаровед появилась снова. С большой коробкой.

– А гуманитарную помощь принимаете?

В коробке было сто рулонов туалетной бумаги.

Больная умерла через четыре недели. Молодые были на Кипре. Тело учительницы забрали родственники товароведа.

Сын

May 8th, 2006 at 8:24 AM

Старика привезли в конце рабочего дня.

Из анамнеза¹¹ удалось установить, что живет один, лечения не получал или получал давно. Опустившийся, с устоявшимся запахом перегара, безразличный к окружающему.

Подняв карточку в архиве, узнали, что болен почти пять лет, была операция, после нее в больнице не появлялся. Больше не обследовался, не наблюдался, не приходил, на

¹¹ Сведения, полученные при медицинском обследовании путем опроса самого пациента.

звонки из регистратуры не отвечал.

На следующее утро в хоспис пришел мужчина, спросил, поступал ли к нам больной *Н.*

Сестры отправили ко мне в ординаторскую.

– Вчера привезли *Н.* В какой он палате?

– В шестой. А вы родственник больного?

Мужчина вздохнул и, глядя в пол, ответил:

– Сын.

– Вас проводить к нему?

– Нет. Скажите, что ему нужно принести?

– Может, еду, которую он любит.

– А что он любит?

– Не знаю. Думала, что вы скажете.

– Он не жил с нами. Тридцать лет назад развелся с матерью.

– Хотите, я пойду в палату с вами?

– Нет. Не могу.

– Почему?

– Ненавижу. Я из-за матери пришел. Она просила.

– Он вас обижал?

– Не помню. Пил. Помню, как мать плакала.

Он приходил каждый день, как по часам, с пяти до семи и сидел в холле хосписа, сцепив руки и глядя в одну точку.

Иногда, устав сидеть, подходил к окну и подолгу смотрел на улицу.

Справлялся о состоянии *Н.*, приносил фрукты и пеленки

и уходил, чтобы вернуться на следующий день и проделать то же самое.

Это продолжалось почти месяц. Изо дня в день, с пяти до семи.

Когда *Н.* умер, мы позвонили по оставленному сыном телефону. Было три часа дня. Через полчаса он был в хосписе. Спросил, что нужно делать и куда идти, чтобы похоронить *Н.*

Мы готовили все необходимые бумаги. Я попросила подождать немного.

Он подошел к закрытой двери палаты, где лежало тело *Н.*, взглянул на меня вопросительно и, получив мой кивок, немного постоял молча и все же вошел туда.

Профессор и выборы

May 21st, 2006 at 4:22 PM

За несколько недель до оранжевой революции в Украине и в хосписе готовились к выборам президента.

Профессор *В.* поступил к нам недавно. Он представлял собой классический пример интеллигента-ученого. Из дома ему привезли его любимое кресло и книги. Он читал и писал статьи, созванивался со студентами, чьими работами руководил. Был он красив, с высоким лбом, большими карими глазами и благородной сединой в густых волосах.

– Я прошу вас, господа, вернее, я требую говорить со мной по-русски, – заявил он частному консультанту – врачу, кото-

рый обратился к нему по-украински.

Больше консультантов не приглашали.

– Я служил государству, которое уничтожили. Уничтожили и науку. Зачем я жил? Кому, я спрашиваю вас, кому все останется? Булгаков был так прав в своей «Белой гвардии», доктор... Как жаль, как же мне жаль Украину...

В день выборов он попросил переодеть его в костюм, рубашку и галстук. Это было сложным занятием, так как к этому моменту профессор ослаб и даже сидеть мог только с поддержкой.

– Я голосовал всегда. В любое время. Я не буду, слышите, доктор, лежать, как младенец в одеяле, когда решается судьба моей страны. Позовите сестру, помогите мне одеться.

Его одели. Усадили. Из кармана пиджака он достал перьевую ручку.

Внесли коробку (урну) с бюллетенями. Он попросил наблюдателей выйти из комнаты. Было совсем тихо.

Ждали минут десять. Профессор уснул сидя. В галстуке и костюме он откинулся на подложенные сестрами подушки.

Сил оказалось достаточно только на заполнение одной графы.

Осторожно переложили его на кровать, доктор передал бюллетень. Я посмотрела – в нем дрожащим почерком было написано «ПРОТИВ ВСЕХ».

До самой революции он не дожил.

Нью-Йорк. Светское

May 26th, 2006 at 10:20 AM

Два дня – субботу и воскресенье – проведу в Нью-Йорке. Скучайшее зрелище богатых адвокатов с женами. Светская и важная встреча у мужа. Встречаются те, с кем он когда-то учился.

Развлек меня очень разговор с ним:

«Елизавета, они все будут с женами, в общем, я решил сказать им, что тебе тридцать пять лет. Пусть завидуют».

Не слабо, да?

А мне давно не тридцать, и он, муж, кстати, старше меня на пятнадцать лет почти.

Людка

May 30th, 2006 at 10:32 AM

Она поступила из родильного дома. А туда – с вокзала. Бомжиха с тридцатилетним стажем.

Людке было около сорока лет. Никаких документов при ней не нашли, кроме справки из железнодорожной милиции о том, что у гражданки Иванченко Людмилы Владимировны документы утеряны.

Дежурный доктор позвонил мне и намекнул: «Вы сами с ней пообщайтесь, раз их так любите. А меня – увольте».

Обритая под ежик молодая женщина. Выглядит моложе

обозначенных в истории болезни сорока лет. Высокая, я едва доставала до ее плеча. Плачет. Осторожно пытаюсь заговорить.

– Вы кто?

– Людка.

– Почему плачете, Люда?

– Домой хочу.

– А где вы живете?

– На вокзале. Не на помойке. Чего пристали?

– Вы полежите у нас, пока не остановят кровотечение. А потом посмотрим.

– Таблички хоть отдайте, – разрыдалась она в голос.

Иду в приемное. В грязном узелке – картонные таблички «Помогите собрать на операцию», «Погорельцы», «Помогите похоронить отца».

Принесла. Людка немного успокоилась и положила их в тумбочку около кровати.

Кровила она сильно. В роддом ее отвезли потому, что другие обитатели вокзала решили – у нее выкидыш.

Выкидыша не было, а был запущенный рак шейки матки. Кто-то из роддома вспомнил о нас. Людка не сопротивлялась только от сильной слабости – всей ее натуре претило пребывание в «режимном учреждении», как она нас называла.

– Я, Петровна, долго тут не могу. А на вокзале лет с десяти – двенадцати. Мать умерла, потом отец дом поджег по пьяни, но меня не бросил. И уехали мы в Киев.

– Ты мать помнишь?

– Помню, – плачет. – Она тоже по-женски болела. Хорошая она была.

После осмотра становится ясно, что и у Люды когда-то были роды. Спрашиваю. Отвечает, что родила больную девочку, которая умерла на третий день после родов. Похоронила ее рядом с матерью.

Правда у бездомных часто перемежается с вымыслом, поэтому докопаться до истины достаточно трудно.

– Ты что, едешь на кладбище?

– Я ж не дикарь какой, Петровна. У нас все как у людей. Езжу. На Пасху. В плацкарте. В Житомирскую область – оттуда мы.

– А муж был у тебя? Ну, отец ребенка кто был?

– Да так, не стоит говорить о нем. А замуж я не могу, документов нету.

– Как ты жила?

– Как все.

Понимаю, что разговорить ее не удастся, и встаю.

– погоди. У тебя помада есть? А то тут лежу вся такая страшная.

Приношу ей свою помаду.

– Тон не мой. Я поярче люблю. А фирма хорошая. Разбираюсь я в этом. Год назад еще торговала косметикой. На рынке стояла. Сейчас не могу уже.

– Люд, а ты знаешь, что с тобой?

– По-женски что-то. Может, климакс.

– Ты хочешь знать свой диагноз?

Она замолчала на какое-то время. Взяла зеркало, осмотрела себя с новой помадой. Потом спросила:

– А мне надо знать? Это изменит что-нибудь?

Я была не готова к такому ответу.

– В твоём случае ничего не изменит.

– Вот и хорошо. Не будем тогда о грустном.

Вот такие они, бомжи. Вроде косят под дураков, а иногда пробивается среди всего напускного такое понимание ситуации, которое не всякому глубоко образованному интеллигенту доступно.

– Людка, а ты любила?

– Ага. А он меня бросил, гад. На картошку променял.

– Почему на картошку?

Людка плачет опять.

– Дом нашел брошенный около Прилук. И ушел. Картошку сажать. А мы вместе жили.

– На вокзале?

– Вот ты говоришь, на вокзале, на вокзале. А я не пью, не курю, – при этом она очень выразительно посмотрела на пачку сигарет у меня на столе. Я почувствовала себя падшей. Правда. – В церкву хожу иногда. И на вокзале не под платформой живу.

– А где?

Людка поправила рукой свой обритый ежик волос, трях-

нула плечами и гордо ответила:

– В зале повышенной комфортности. Слыхала про такой? Ну типа бизнес-класс. Володька-мент меня туда пускал. За две гривны.

– А ты там долго... жила?

– Три года почти.

– Так он под Прилуки поехал?

– Ну. Я бы пешком ЗА СВОЕЙ ЛЮБОВЬЮ пошла, да не дойду теперь, – Людка плачет опять.

Она ходила в хосписную церковь на все службы, пока не слегла совсем.

Готовилась пойти к мэру Киева с абсолютной уверенностью, что он даст ей квартиру в городе. Маленькую, но свою.

Перед смертью она не могла говорить. В палату к ней мы вошли вместе со священником, который причащал больных в отделении.

Людка из последних сил головой показывала на чашу.

– Причаститься хочешь?

Она кивнула и облегченно закрыла глаза.

Я похоронила ее рядом с Саней Григорьевым.

Зеркало

June 12th, 2006 at 3:08 PM

Эту женщину звали Варей, она работала на конфетной фабрике в цехе, который делал халву в шоколаде. Разведена,

детей нет. Вот и вся история жизни, рассказанная ею. Когда к ней приходили шумные подруги по работе, палата долго пахла шоколадом и карамелью.

У нее не отросли волосы после последней химиотерапии, отчего она была похожа на облетевший одуванчик.

Варя попросила принести ей телефон.

– Я позвоню ему. Вы как считаете?

– Кому?

– Ему. Мы были женаты десять лет. Попрощаться. Ведь я скоро умру.

После звонка она спросила, можно ли одеться в небольшую одежду. В понедельник вечером. А точнее – в семь вечера.

– Варя, он придет?

– Да, – она опустила глаза и даже порозовела.

На радостях вечером я помчалась на рынок покупать ей парик, так как все косынки, которые мы с ней перемерили после звонка, Варе не нравились.

Купила. Пепельного цвета со стрижкой каре.

Варя надела парик и попросила принести ей зеркало. В палате зеркал нет, и я отвела ее в ординаторскую.

Она осталась там одна, чтобы примерить и одежду. Я вышла.

– Варя, да неужели это ты? – донеслось из-за двери. – Неужели это ты, так похудела, но такая же красивая!

Я отошла от двери. Сама с собой она разговаривала или

с воображаемым собеседником, я так и не узнала. Стало неловко, как будто подслушивала что-то очень личное.

В понедельник мы наряжали Варю. С обеда и до позднего вечера она просидела в коридоре хосписа, отказываясь даже выпить чаю.

Он все-таки пришел через две недели, но Вари уже не было.

А я долго не могла покупать в кондитерском магазине халву в шоколаде.

Миша Неверицкий

June 16th, 2006 at 10:59 AM

Дважды пересмотрела историю болезни, указан возраст – двадцать девять лет. А выглядел как подросток. Опухоль средостения, трахеостома¹².

Трубка была с голосовым клапаном, поэтому Мише удалось говорить с нами.

– Я ничего не успел, Петровна. Не женат, не образован, не обеспечен. Все суетился. Мать жалко.

Дома у него оставалась слепая мама, которую он ограждал от любых переживаний.

– За что ей такое? Она родила меня поздно, в сорок с лишним. Не звоните ей часто. Не мучайте.

¹² Искусственно созданное отверстие в дыхательном горле, в котором находится специальная (трахеостомическая) трубка.

Мать, конечно же, знала, но по негласной договоренности они оба не упоминали ни о диагнозе, ни о прогнозе. Ее два раза приводили в хоспис. Видимо, она ослепла не так давно, потому что ходила плохо и целиком зависела от проводника. Проводником был ее старший сын.

Приходил он редко. Вернее, почти не приходил.

– Мама, вы как там без меня? – спрашивал Миша.

Не оставлял без заботы и нас. Кормил хосписных рыбок и птиц и звал меня к телефону, если я была не в отделении.

– Вот чего все носитесь, Петровна? Ходить надо, не бегать.

Глядя на Мишу, я поражаюсь его умению радоваться. Его радовало ну буквально все – и снег, и утро, и даже обычное «Привет, Миша, как ты сегодня?»

Он сам спросил меня, сколько осталось.

– Немного, Миш. Совсем немного.

Заплакал.

– Матери не говорите...

Он вытер глаза и, перейдя на «ты», попытался что-то сказать еще.

Не получилось. Взял бумагу, размашисто написал: «Чего сидишь – попа зови скорее!!!»

Ушел он тихо. Так же, как и жил.

Он один из тех, с кем мне очень хочется встретиться там, куда они уходят, и сказать: «Привет, Миш, как ты?»

Варежки

June 19th, 2006 at 11:36 AM

Январский яркий день. Крохотная комната в коммуналке в центре города.

Даже не знала, что такие остались. Длинный коридор с перегоревшими лампочками, заставленный всем – от стиральных машин до пыльных лыж в чехлах.

Лидия Александровна. 68 лет. Живет одна. Родственники есть, но отношений с ними не поддерживает.

– Не хочу им мешать. Всю жизнь я кому-нибудь мешала. Потому что одна. Сложилось так. Я библиотекарь. Почти сорок лет на одном месте.

Она попросилась в хоспис не сразу. Мы встречались с ней раз в две недели, говорили о том, что ее волновало – нет, не о болезни, о каком-то племяннике Мишке, который должен закончить институт, о ценах на газеты, которые становились все выше, а значит, были недоступными для маленькой пенсии. Больше всего говорила о Церкви рядом с ее домом, прихожанкой которой она была. Посты и праздники – вечерние службы, Литургии и постоянные молитвы – это и было ее жизнью.

Она попросила встретится с ней около храма. Было очень холодно, я выскочила из машины и увидела ее, замерзшую, в поношенном пальто с меховой опушкой и платке, повязанном поверх старой шапки. Увидя меня, она замахала руками,

на которые были надеты две вязанные варежки разного цвета.

– Идите, идите, Петровна! Давайте я вам храм покажу снаружи. Замерзли?

Я дрожала от холода, и она сняла с себя варежки.

– Наденьте. Я сама вязала. А потом по одной потеряла – но они теплые.

В храме она преобразилась – стала радостной, смелой, проходя вперед и освобождая место «поближе к алтарю, чтобы батюшку слышать».

С ней здоровались и спрашивали о здоровье.

– Все слава Богу. Вот с доктором пришла, – улыбалась она.

Через несколько дней мы перевезли ее в хоспис.

Утром она пошла умыться – встала и упала. Сестры прибежали позвать меня.

– Лидия Александровна...

– Петровна, миленькая, слабость такая сильная. Все плывет. Господи... Страшно.

Она ушла за несколько минут.

Очень сильно плакал священник – монах, которому она исповедовалась.

«Кроткая она была женщина. Мученица».

В ординаторской у меня остались ее варежки – бежевая и зеленая.

Про Одессу

June 28th, 2006 at 4:43 PM

Звонит пожилой мужчина из Нью-Йорка, у которого в Одессе болен родственник.

– Алё, я говорю за моего брата. Он из Одессы.

– Чем могу помочь?

– Я вам скажу, только подождите, я сейчас поплачу, – слышу, как плачет в трубку минуту. – Таки я вам скажу за брата. Он очень хороший человек. Подождите, доктор, поплачу еще.

Жду.

– Он такой, каких не бывает. И не эмигрировал. Он всегда был упрямец. В нашу маму. А бабушка была еще хуже.

– Не плачьте. Вы скажите, что можно для вас сделать.

– Поговорить.

– С вами?

– Зачем со мной? Я с вами и так говорю. С братом. Он в Одессе.

– Он болен?

– Да.

– У него диагноз какой?

– Камни в почках.

– А я онколог.

– Тю!!!

– Ну да, а вы что подумали?

– Я в интернете прочел за вас.

– Вам помощь нужна?

- От онкологов нет. Будьте здоровы. А вы в Одессе были?
- Нет, никогда.
- А вот это зря.

Руководящий работник

June 30th, 2006 at 10:44 AM

В Святошино мало богатых квартир. Среди наших пациентов, которые обслуживаются выездной службой, их нет вообще. Исключением стал один больной, которого передали из ведомственной поликлиники.

Новый дом с арками, полупустой, отстроенный совсем недавно, с горой не вывезенного мусора вокруг.

Лифт работал, что несказанно обрадовало нас, постоянно испытывающих на своих ногах недофинансирование и изношенность киевского ЖКХ.

На пятнадцатом этаже – две квартиры. Нам в ту, что на-лево.

Дверь открыла молодая женщина лет тридцати.

– К Витольду Ивановичу? – величественно спросила она. На ней была короткая юбка и открытая блузка с надписью *Chanel*. На руке блестело тоненькое обручальное кольцо.

Мы покорно кивнули.

– Пройдите и подождите меня на кухне.

Подождали.

– Значит, так, – так же величественно продолжила наша

собеседница, – Витольд не знает, что вы из хосписа. Он вообще ничего не знает.

– А что вы хотите от нас?

– Чтобы вы осмотрели его и ушли. И отзвонили тем, кто вас сюда прислал. Мы недавно поженились, а тут побыть вместе не дадут.

– А кто нас прислал – это не вы передали просьбу в поликлинику?

– Дети от первого брака.

– Понятно.

И такое бывает. Набрав диспетчера, узнала, что, действительно, вызов передан по просьбе сыновей Витольда, которые не живут с отцом.

– Вы хотите положить его в хоспис?

– Не приведи Господи. Они ж не отвяжутся тогда. Мне надо успеть решить имущественные вопросы.

– С нами вы их не решите.

– Понимаю. Подметки на ходу режут. Они узнали, что Витольд болен раком, и теперь будут претендовать на квартиру. А я пока прописана в Николаеве. Нотариус будет только завтра.

Ее откровенность удивляла.

– Вы недавно поженились?

– А что вы так это спрашиваете? Да, недавно. Имею право. Вы думаете, легко говно грести за ним? Из него валит, как из паровоза. Фу.

Проведя инструктаж и пригрозив, что на правах ново-брачной запрещает нам произносить слово «рак» и требует только запись в амбулаторной карте об осмотре, она разрешила нам пройти к больному.

На двуспальной кровати лежал худой мужчина шестидесяти лет.

– Алечка, это из поликлиники?

– Да, Витольдик, – ласковым голосом сказала она.

На вопрос, давно ли он болен, Витольд ответил, что около года, когда был прооперирован по поводу непроходимости кишечника. После операции все разговоры с врачами вела Алечка – бывший секретарь из департамента, в котором он работал. Алечка так хорошо ухаживала после больницы за бывшим шефом, что они решили пожениться. Не сразу, конечно, так как Витольд Иванович был женат раньше и требовалось время на неприятный бракоразводный процесс. Стоило это больших денег и нервов. И теперь здесь он будет жить не с первой женой, как планировалось, а с Алечкой. Ведь она из Николаева.

С бывшей семьей он не общается, дабы избежать неприятных моментов. Ни в чем не нуждается. От обезболивания отказался. Все вопросы по состоянию попросил решать со второй женой. Отказ подписал на бумаге.

Так как спросить, собственно, было больше нечего, поинтересовалась, кем работал Витольд Иванович до болезни. За него ответила Алечка:

– Он был руководящим работником.

На этом с Витольдом, который лежал почти все время молча, мы и распрощались. Он не спросил ничего и только внимательно смотрел на сильно нервничающую супругу.

Алечка выдавила нас снова на кухню и прошипела:

– Вот теперь отзвоните им. Деткам. Лечить они его решили. Поп звонил тоже. Не от вас случайно?

– А вы не хотите сказать ему о том, что он очень тяжело болен?

– Я разберусь, что говорить, сама. Уходите. Скажете ему – буду вас судить. Не имеете права. Я законы знаю. Такой хай подниму – ни вам, ни им мало не покажется. Он вам сказал, чтобы общаться только со мной?

– Сказал.

– До свидания.

Лешка, второй врач, сказал мне в лифте:

– Сучья у нас работа, Петровна.

Мой Кулибин

July 3rd, 2006 at 12:35 PM

Настоящая фамилия была другой. Но все звали его Кулибиным за изобретательность и руки, которые могли починить все – от фильтра для аквариума до сломанной двери в палате.

А был он Сашей Худяковым сорока восьми лет. Долго ле-

жал дома, потому что боялся оставить одну совсем старенькую маму. Мама жалела его и говорила, что справится сама, но Саша не верил и отказывался ложиться в хоспис. Говорил он плохо – в трахее стояла трубка, и для того, чтобы сказать, он зажимал ее пальцем.

Мы приходили к нему в странную квартиру, где на столе громоздился «вечный двигатель» – труд всей его жизни, диссертация по какому-то важному вопросу физики, которую он защитил лет десять назад, трехлитровая банка с лежавшими вперемешку старыми советскими деньгами и украинскими купонами, паяльник, отвертки, какие-то неизвестные приборы со стрелками и карамельки, которые он покупал для мамы. И большой список телефонов сотрудников какого-то НИИ, где он работал до закрытия из-за недофинансирования. Он пальцем показывал на фамилии и имена и ждал, что они придут к нему. Была картонная папка с веревочкам, на которой было написано «ИДЕИ». Внутри лежали статьи и письма к бывшим коллегам с просьбой опубликовать их. Коллеги не отвечали, но он не обижался.

Были и два диплома о высшем образовании – физика и история, но почему-то нигде не нашлось места, где он мог бы применить свои таланты.

В его квартире все двигалось и включалось при помощи приспособлений.

Свет зажигался не от выключателя, а от кнопки на столе, и даже форточка имела какой-то привод для того, чтобы

не надо было тянуться наверх. Свои изобретения он дарил всем, кого знал. Сотрудникам, соседям, друзьям. Его считали чудаком и фантазером.

Так как возможности общения словами были ограничены, он писал записки на всем, что придется, – на фантиках, обрывках бумаг и даже на ладони. Своей семьи у него не было.

– Не любил, – говорил он.

Он различал персонал по шагам и никогда не ошибался, кто идет.

Так как любимцем отделения он стал сразу, медсестры и няньки приносили ему сладости. Кто-то принес мед в сотах. Он пожевал его и подавился. Сине-черным вывалился из палаты и буквально упал ко мне на руки. Даже не знаю, как сообразила выдрать трубку из разреза на трахее и сунуть ее под кран. Помню только его глаза.

Когда он продышался, я накричала на него и заплакала. Он опустил голову и ушел в палату. Вернулся с запиской: «БОЛЬШЕ МЁДА ЕСТЬ НЕ БУДУ».

А потом я купила в хоспис первый оксигенатор. Худяков сидел перед ним час и смотрел, как работает эта машина, благодаря которой можно получать кислород из воздуха, а не из кислородной разводки на стене.

Крутил, пробовал на себе и долго о чем-то думал.

Спросил, кто сделал машину. Ответила, что не знаю. Кто-то в Швейцарии. Он просипел: «Спасибо хочу. Сказать хочу».

И написал на листочке: «От всего человечества – спасибо». Именно так.

На этом же генераторе кислорода он и пролежал последние три недели. Так как аппарат этот был один, я полностью отдала его задыхающемуся моему Кулибину. Однажды он разобрал его, сняв внешнюю крышку. Нянька увидела и пригрозила пожаловаться. Он быстренько собрал обратно.

В выходной позвонила дежурная медсестра и сказала, что Саша, посмотрев телевизор, вдруг попросил отвезти его домой. Оказалось, что он выиграл в телевизионную лотерею пятьдесят гривен и хотел отдать деньги матери. Он отвез. Больше они с мамой не виделись.

Помню его исповедь. Пять листов мелким почерком. Писал всю ночь, утром, узнав по шагам священника, отдал ему и дополнял его чтение своим хриплым «Каюсь, отче!».

Одышка нарастала, но он регулировал поток кислорода и писал, что все будет хорошо. А одним утром я пришла и увидела в ординаторской этот оксигенатор. С него были сняты трубки и наклеен пластырь с отметкой о проведенной санобработке. «9 сентября. Два часа утра».

И никто больше не узнавал меня по шагам.

Мальш

July 20th, 2006 at 7:58 PM

Сегодня приняла пятилетнего малыша в хоспис.

Мальчик очень терпеливый, хотя тяжело перенес переезд из дома в отделение.

Будет лежать с мамой.

Спросила его, что беспокоит и что можно для него сделать. Посмотрел взрослым взглядом и сказал: «Тишины хочу...»

Просто Таня

July 31st, 2006 at 11:33 AM

У нее ярко-голубые глаза и радостная улыбка. На левой руке – татуировка «Таня», сделанная много лет назад в Магадане.

Родилась она на Украине. Как попала в Магадан, я не спрашиваю, она об этом тоже говорить не любит.

Одна. Есть телефон дочери, который не отвечает.

В хоспис ее привезли двое. Один из них на вопрос, кто он Тане, ответил: «Брат. Во Христе».

Следующий вопрос «брат» задал сам: «Как оформить доверенность на получение Таниной пенсии?»

Третий, и последний в нашем общении, – задали уже брат и сестра, тоже, соответственно, во Христе: «Как оформить доверенность на квартиру, пока Таня в сознании?»

Свидетели Иеговы. Она их любит. Хотя она любит всех, кто к ней приходит.

Она радуется всему, что ее окружает, – соседкам по пала-

те, цветам, конфетам и даже утреннему кипятку, который ей приносят вместо чая.

– Танюша, тебе где больше нравится жить – здесь, в Киеве, или в Магадане?

– В Магадане. Там люди добрее были. Знаешь почему?

– Нет.

– Потому что ссыльные. Они добрые. Все.

Про ремонт

Sept. 16th, 2006 at 3:25 PM

В открытую дверь комнаты выездной службы со страшным криком влетела санитарка Оля.

– Ой, Петровна, ой не могу...

– Что?

– Труп. Все. Чуть не помёрла сама.

– Где?

– Там, – отчего-то шепотом сказала она, – в комнате для родственников.

Трехминутный марафон из комнаты, где была выездная служба, до отделения, где тогда проходил капитальный ремонт.

На полу лежал мужчина – сантехник, который с утра еще пытался установить раковины и унитаза в отделении. Лежал тихо, лицом вниз. Очень живописно лежал.

Со вторым доктором осторожно перевернули несчастно-

го. Дышал он редко и глубоко. Выдыхаемый воздух сообщал о том, что была принята немалая доза спиртного.

– Оля, я тебя убью, разве так можно пугать?!

– А шо?

– Да пьяный он.

– Ой, лихо. А лежит як мертвяк. Я ж сама чуть не вмерла, – она шумно вздохнула.

– Позови прораба, что ли.

Чертыхаясь, повернули сантехника набок.

Вызванный прораб был страшно возмущен нашей реакцией.

– А чего орать сразу, а? Лежит человек и лежит. Вован это, – радостно сообщил он.

– Вы ремонт тут делаете или пьете?

– Ремонт.

– А это что? – показываю рукой на сантехника.

– Как что? Устал он. Вот и лежит. Ну, люди...

Развернувшись, мы обошли пустые палаты и коридор. Я насобираала пустых бутылок, сложила в пакет и показала бригаде строителей, которые обсуждали уже, как транспортировать Вована домой.

– Ну? Видели? Ваше?

– Нет.

– А чье?

– Не знаем. А где нашли?

Поняв, что разговаривать бесполезно, ушла обратно.

Через два дня заходит Вован. Протрезвевший.

– Петривна, мне тут сказали, что вы бутылки собираете?

Так я принес.

Совесть

Sept. 25th, 2006 at 11:17 AM

Один звонок в дверь означает – посетители. У своих – два коротких звонка.

Кто-то, за дверью, давил на кнопку долго, отчего звонок стал похожим на гудок парохода.

На пороге стоял совсем пожилой мужчина в костюме и шляпе. В руках – старомодная авоська с парой апельсинов и яблок.

– Добрый день, – сказал, входя в отделение.

– Вы к кому-то пришли?

– Именно так. К Васильеву, палата номер девять. Я звонил, – он протолкнулся вперед, поставил сетку на диван и продолжил: – ...вы сразу не открыли – непорядок. Я, так сказать, человек правильный и пунктуальный.

– Наверное, мы не сразу слышали. Проходите.

– Вот-вот, не сразу слышали, не успели, недопоняли. А во всем должен быть ус-та-нов-лен-ный порядок. И правила. Без них, так сказать, везде бардак. Полный и, так сказать, бесповоротный. А всего этого можно избежать...

Мне мешала его говорливость и выражение «так сказать»,

которое он вставлял в каждую фразу. Мысленно пожалев несчастного Васильева, я попыталась проводить посетителя – а звали его Андрей Андреич – до палаты.

– Не торопитесь. Торопливость, так сказать, до добра не доводит. Помогите мне переодеться. Спецодежда тут полагается?

Ему дали халат и бахилы. Андрей Андреич долго надевал их на себя, тщательно застегивая все пуговицы.

– А маска? – спросил он.

– Зачем?

– Да как вам объяснить? Природы рака никто не знает. Вы уверены, что я ничем не рискую?

Так как я была не уверена ни в чем, то принесла ему маску из перевязочной.

Он натянул ее и произнес:

– Я готов. Вы проведете меня, доктор?

– А он вас ждет?

– Нет. Сюрприз, так сказать. Старые коллеги по работе. Жизнь – интересная штука. Я Юру знаю много лет. И мы, так сказать, враги лютые. Обстоятельства так сложились в свое время, что мне пришлось... – он замаялся. – В общем, грешок за мной. Да, собственно, не грешок, но тянет что-то внутри. Надо расставить точки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.